

УДК 32
ББК 66
К 126

К 126 КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ. - Ереван, Кавказский институт СМИ, 2006. - 359 с.
Второй выпуск ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь внутренне- и внешнеполитическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2004 г. В приложении имеется хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Редактор А. Искандарян
Редколлегия: Н. Искандарян, А. Карагулян, С. Минасян
Дизайн обложки студии «Матит» www.matit.am
Макет и географические карты: студия «Коллаж»

The Caucasus Yearbook. - Yerevan, CMI, 2006. - 359 p.
The second CMI Yearbook sums up year 2004 in the Caucasus based on talks given by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and Turkey at the Yearly CMI conference. The bulk of the volume are analytical papers on a number of issues, primarily in the area of domestic and foreign policy, of the Southern and Northern Caucasus. Appendices contain brief chronology, statistics, lists of books about the Caucasus, maps and web links.

Editor A Iskandaryan
Editorial team: N Iskandaryan, A Karagulyan, S Minasyan
Cover design by Matit www.matit.am
Layout and maps by Collage

ISBN 99941-2-028-x

ББК 66
© КИСМИ, 2006 г.
© 2006 by Caucasus Media Institute

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	4
<i>Статьи</i>	
А.Искандарян Феномен цветных революций как ядро политического дискурса в странах Южного Кавказа	6
А.Юнусов Азербайджан периода Ильхама Алиева	16
Г.Арешидзе Государственное строительство и правление в новой Грузии	46
С.Золян Это сладкое слово «стабильность». Армения в 2004 г.	87
Л.Арутюнян «Общество ни войны ни мира» и перспективы мирного разрешения карабахского конфликта	104
А.Хачатрян Энергетическая безопасность стран Южного Кавказа - роль стран региона и внешних сил	111
С.Арутюнов Россия на Северном Кавказе	129
М.Баснукаев Чеченский регион: риторика и реальность	136
А.Скаков Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г.	146
И.Торбаков Изменения в Турции и кавказская политика в 2004 г.	182
Д.Петросян Непризнанные государства Кавказа: тенденции развития	190
<i>Приложения</i>	
Основные экономические тенденции развития стран Южного Кавказа	291
2004 год на Кавказе: краткая хронология	297
Книги о Кавказе, вышедшие в 2004 г.	322
Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе	336
<i>Об авторах</i>	342
<i>Географические карты</i>	343
<i>Примечание редактора</i>	
1. Кавказ. Вид из космоса	344
2. Кавказ. Политико-административная карта	345
3. Кавказ. Этнографическая карта	346
4. Черноморско-каспийский регион	347
Схема трубопроводов	
Contents/Authors/Summary	348
<i>Издания Кавказского института СМИ</i>	352

.....

2 0 0 4 .

Прежде чем приступить к обсуждению вопроса, вынесенного в заголовок статьи, необходимо сделать одно важное замечание. На протяжении десятилетий внешняя политика Турецкой республики была в целом прозападной, ориентированной на евро-атлантические структуры. С 1953 г. Турция - член НАТО. С начала 1960-х гг. длится драматическая одиссея взаимоотношений Анкары и Европейского сообщества. Однако нахождение Турции на периферии Западного мира вынуждает ее сохранять особую (отличную от западно-ориентированной) внешнеполитическую идентичность и формулировать задачи, которые страна должна решать в больших и стратегически важных пограничных регионах - на Кавказе, в Средней Азии и на Ближнем Востоке. По мнению некоторых аналитиков, можно наблюдать реальную (и, одновременно, переменчивую) поляризацию внешнеполитических приоритетов, во многом отражающую сложную евроазиатскую (евразийскую) идентичность Турции. Действительно, настойчивые попытки Турции интегрироваться в Европейский союз и политика Анкары по отношению к восточным соседям (в частности, странам кавказского региона) представляют разные (зачастую, противоположные) полюса внешнеполитической активности - результат специфического геополитического положения Турции. При этом предпочтение, даваемое одному из направлений, часто является следствием отсутствия прогресса на другом. События 2004 г. подтвердили эту закономерность: основные внешнеполитические усилия и заметные успехи Анкары были зафиксированы на западном (прежде всего, европейском) направлении, в то время как кавказская политика оставалась явно на втором плане. В то же время усилившаяся в 2004 г. напряженность во взаимоотношениях Турции с ЕС и США может привести к некоторому ослаблению западного вектора во внешней политике страны.

Внутриполитические изменения

Отсчет новой политической эры в Турции ведется с ноября 2002 г., когда убедительную победу на парламентских выборах одержала Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с харизматическим лидером (ныне премьер-министром страны) Реджепом Тайипом

Эрдоганом. Сформировав сильное однопартийное правительство, умеренно исламисткая ПСР своей главной внешнеполитической целью провозгласила вступление Турции в ЕС. Похоже, что задачи европейской интеграции существенно потеснили другие интересы Турции - в том числе геополитические амбиции Анкары в постсоветской Евразии в целом и на Кавказе в частности. Показательным в этом смысле является высказывание политолога из Анкарского университета Чагри Эрхана. «Существуют три основные направления турецкой внешней политики, - заявил Эрхан вскоре после прихода ПСР к власти, - Это отношения с ЕС, отношения с США и отношения с Израилем». Взаимоотношения Турции с соседями по черноморско-каспийскому региону и даже с Россией оказались, как видим, совершенно проигнорированными.

Внутренняя политика страны оказалась во многом подчиненной стремлению интегрироваться в ЕС. ПСР инициировала мощную программу реформ и гармонизации национального законодательства с правовыми нормами Евросоюза. Одновременно осуществлялось агрессивное лоббирование Брюсселя. Энергичное реформирование политических институтов, укрепление демократических норм, развитие принципа верховенства закона и значительное улучшение ситуации с защитой прав человека привели к искомому результату. Европейская Комиссия пришла к выводу, что Турция в основном выполнила так называемые Копенгагенские критерии, а руководители стран ЕС на саммите 17 декабря 2004 г. в Брюсселе приняли решение о том, что 3 октября 2005 г. начнутся формальные переговоры с Анкарой о вступлении страны в Евросоюз.

Внешиполитические изменения

На протяжении последних лет ЕС и США традиционно поддерживали прозападную политику Анкары. ЕС всячески стимулировал реформаторский курс правительства Эрдогана, а Вашингтон, рассматривая Анкару в качестве своего важнейшего стратегического партнера, неизменно активно лоббировал интересы Турции в Брюсселе. Впрочем, весьма часто вмешательство американцев рассматривалось европейскими политиками, как «выкручивание рук» и попытка «лезть не в свои дела». (Характерный эпизод произошел на стамбульском саммите НАТО в июне 2004 г., когда президент Франции Жак Ширак, раздраженный настояниями Джорджа Буша по поводу скорейшего принятия Турции в ЕС, запальчиво посоветовал своему американскому коллеге «заниматься своими делами» и доба-

вил, что ЕС, со своей стороны, ведет себя более тактично и не дает рекомендации Вашингтону о том, как, например, строить отношения с Мексикой.)

Однако в 2004 г. взаимоотношения Турции с США и ЕС претерпели существенные изменения: наряду с сохранением значительного объема общих интересов выявились противоречия и трения между партнерами - Анкарой и странами Запада (Америкой и Европой).

Изменения в турецко-американских отношениях. В течение всей второй половины XX в. Турция была основным стратегическим партнером Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Кавказско-Каспийском регионе. Однако после террористических актов 11 сентября 2001 г. и особенно на протяжении последних двух лет произошла некоторая переоценка значения Турции как военно-политического союзника США. Во-первых, в Вашингтоне изменилось видение роли Турции в рамках стратегической концепции «глобальной борьбы с терроризмом». Произошел отход от традиции использования Турции в качестве проху power, вызванный прямой вовлеченностью Америки в решение проблем безопасности Кавказа и Центральной Азии. После 2001 г. США разместили в ряде стран постсоветской Евразии свои авиабазы, воинские контингенты и военных советников, обзаведясь, таким образом, новыми союзниками и партнерами. В результате значение Турции как ключевого союзника в регионе несколько снизилось. В военно-стратегическом смысле такое развитие событий не только уменьшило зависимость США от объектов турецкой военной инфраструктуры, но и практически свело на нет традиционную роль Анкары как «надсмотрщика» за американскими интересами в регионе. Для Армении, например, это открыло возможность расширить военные контакты с Америкой, особенно когда Москва - традиционный геополитический «патрон» Еревана - оказалась озабоченной американским военным присутствием в Грузии.

Во-вторых, усиливается расхождение интересов Анкары и Вашингтона из-за продолжающегося кризиса в Ираке. Турция опасалась дестабилизации региона в результате американской интервенции, и в 2003 г. парламент страны не дал согласия на открытие американцами второго - «северного» - фронта для нанесения удара по иракским силам с территории Турции. Решение Великого Национального Собрания Турции оказалось чрезвычайно болезненным ударом для администрации Буша, особенно для Пентагона. Этот шаг был воспринят как проявление геополитической нелояльности, если не

как откровенное предательство со стороны государства, считавшегося ключевым союзником Америки. Ряд высокопоставленных сотрудников американской администрации подвергли жесткой критике турецких военных - социальную группу, традиционно пользовавшуюся наибольшим доверием американского политического класса, - за то, что турецкие генералы не смогли оказать должного давления на гражданские власти с целью принятия нужного Соединенным Штатам решения.

В свою очередь интервенция США в Ираке и неспособность американцев стабилизировать обстановку в раздираемой этнорелигиозными противоречиями стране породили встречные претензии Анкары к Вашингтону. Турцию прежде всего беспокоит потенциальная возможность распада Ирака и возникновения на севере страны независимого Курдистана. Такое крайне неблагоприятное развитие событий может, полагают турецкие стратеги, усилить сепаратистские тенденции среди турецких курдов и в конечном итоге поставить под вопрос целостность Турецкой Республики. Кроме того, Анкару чрезвычайно раздражает нежелание американцев проводить военные операции против вооруженных боевиков Курдской Рабочей Партии (организации, которую и турки и американцы признают террористической), имеющих ряд тайных баз в горах северного Ирака. В 2004 г. боевики КРП активизировали террористическую деятельность на юго-востоке Турции. Бездеятельность американских военных в отношении «курдских сепаратистов», их уклонение от взятых на себя обязательств по бескомпромиссной борьбе с любыми террористическими группировками выглядит в глазах турецких элит - вообще склонных к разнообразным «теориям заговоров» - как поведение, недостойное стратегического партнера или, еще хуже, как сознательная политика, направленная на ослабление геополитических позиций Турции и создающая прямую угрозу национальной безопасности страны. Интерпретация американской политики в регионе Персидского залива как односторонней, своекорыстной и даже враждебной турецким интересам привела к беспрецедентному росту антиамериканских настроений в турецком обществе. Опросы общественного мнения, проведенные в 2004-2005 гг., показывают что более 80% турок негативно относятся к курсу нынешней американской администрации - показатель, фиксирующий наивысший уровень антиамериканизма среди стран арабского мира и Европы.

Разногласия по поводу Ирака особенно сильно сказались на полувековом военном сотрудничестве двух стран - подлинной основе

турецко-американского стратегического партнерства. Впервые за много десятилетий реальным двигателем американской политики по отношению к Турции стал выступать Госдепартамент, а не Пентагон. Это, как отмечают некоторые наблюдатели, является весьма существенным поворотом в традиционной американской политике, поскольку военный аспект союзных отношений между США и Турцией прежде всегда имел явный приоритет перед дипломатической и политической сферами. (Наметившаяся тенденция может сказаться, между прочим, и на отношении США к «армянскому вопросу»: ранее любое смягчение дипломатической позиции Госдепартамента по поводу армянского геноцида обыкновенно парировалось «железными» аргументами Пентагона в пользу приоритета военно-стратегических связей с Анкарой.)

Таким образом, война в Ираке безусловно стала поворотным пунктом в турецко-американских отношениях. Как заметил один американский эксперт в области безопасности, «ни одна проблема за последнее десятилетие не создала большей напряженности в отношениях между Турцией и США, чем Ирак, и ни одна текущая проблема не обладает большим потенциалом для дальнейшего ухудшения этих отношений».

Изменения в отношениях Турция-ЕС. В 2004 г. выявился определенный парадокс в отношениях между Турцией и Европейским Союзом. С одной стороны, Анкара, проведя серию энергичных реформ, добилась-таки от ЕС определения конкретной даты начала переговоров о вступлении в Объединенную Европу. Хотя большинство специалистов считает, что эти переговоры будут весьма непростыми и продлятся не менее 10-15 лет, само принятие принципиального решения о начале этого процесса справедливо рассматривается как важнейший рубеж в более чем сорокалетней истории турецкой «евроинтеграции». С другой стороны, однако, очевидный успех Турции на «европейском фронте» породил и новые серьезные препятствия на пути ее вхождения в Европу. Реальные перспективы полноправного турецкого членства в ЕС вызвали мощную негативную реакцию со стороны европейских элит и обществ. В ряде ключевых европейских стран как, например, Германия и Франция, «турецкий вопрос» превратился в проблему внутренней политики. (Провал референдумов по Европейской Конституции во Франции и Нидерландах в 2005 г. был во многом обусловлен отрицательным отношением широких слоев граждан этих стран к дальнейшему расширению

ЕС и, в частности, к возможному приему в Союз мусульманской Турции.)

Лидеры европейских стран очутились в двусмысленном положении. Они не могут позволить себе потерять лицо, нарушив обещания, неоднократно данные Турции. В то же время, будучи демократически избранными руководителями, они в равной степени не могут себе позволить игнорировать антитурецкие настроения своих обществ. Отсюда - усиление давления на Анкару, формулирование значительно более жестких условий переговоров о вступлении в ЕС, чем те, с которыми сталкивались другие страны-кандидаты, выражение неудовлетворенности темпами перемен в Турции.

Подобное отношение чрезвычайно уязвляет турецкие элиты, вызывает ответное раздражение и националистическую реакцию. Турки остро чувствуют, что им предъявляются «особые» требования, что их «дискриминируют» и не рассматривают как равноправного партнера. В периоды острого обострения противоречий между Анкарой и Брюсселем на протяжении 2004 г. и политическое руководство Турции и ее влиятельный генералитет в лице Генерального Штаба неоднократно заявляли своим европейским партнерам: не только Европа может сказать «нет», намекая, таким образом, что Анкара, будучи окончательно выведена из себя бесконечными европейскими придираками, может сама «выйти из игры» и повернуться спиной к Евросоюзу.

Одновременно, ряд наблюдателей полагает, что более серьезным вызовом для турецкой «евроинтеграции» являются не отношения по линии Анкара-Брюссель, а то, как будут развиваться отношения между ЕС и США. Односторонний, если не сказать «имперский», внешнеполитический курс Вашингтона и особенно война в Ираке пробили серьезную брешь в Трансатлантическом союзе. По мнению одного турецкого политолога, «наверное, в первый раз в турецкой дипломатической истории Европейский Союз и Соединенные Штаты рискуют выступить в качестве взаимоисключающих альтернатив. Если трансатлантический разрыв не окажется временным явлением, Анкара может очутиться в весьма незавидном положении и будет вынуждена выбрать между США и ЕС».

В результате внутри- и внешнеполитических изменений последнего года Турция оказалась в непростой ситуации. Ее сутью является опасная неопределенность, охватывающая как перспективы внутреннего развития, так и отношения Анкары с ключевыми союзниками и партнерами. Правительство Эрдогана сделало основную

ставку на вхождение страны в ЕС в качестве полноправного члена. Ради достижения этой цели руководством правящей ПСР были предприняты шаги (как внутри страны, так и на международной арене), которые рассматриваются некоторыми сегментами турецкого общества и традиционалистскими кемалистскими элитами как отступление от политики жесткой защиты турецких национальных интересов, как «неоправданные уступки» Западу и как линия, ведущая к ослаблению турецкого суверенитета. Неудачи на пути «евроинтеграции» будут ослаблять позиции ПСР внутри страны и, в свою очередь, заставлять Анкару занимать более несговорчивые позиции по вопросам, требующим, по мнению Брюсселя, дальнейших компромиссов - в частности, в вопросе о признании Турцией Республики Кипр.

Значение изменений в Турции для Армении и других стран Южного Кавказа

Сегодняшняя ситуация в Турции (сохраняющаяся неопределенность в отношениях с ЕС и США) позволяет предположить возможность двух сценариев. Первый сценарий - позитивный: несмотря на трудности и препятствия, процесс интеграции Турции в Евросоюз продолжает поступательно развиваться. В этом случае необходимо отметить три аспекта, представляющихся важными для Армении и других кавказских государств.

1) Как справедливо указывает ряд экспертов, несмотря на преувеличенное значение, придаваемое «армянскому вопросу» (геноциду армян в Османской Турции) в определенных кругах Армении и Турции, на самом деле «армянский вопрос» не является ключевым для успешного продвижения Турции в ЕС. Существуют два значительно более важных приоритета: Кипр и курдская проблема. С турецкой точки зрения, ни одно из возможных препятствий на пути в ЕС не имеет прямого отношения к Армении. То, что действительно имеет значение для европейцев - и стимулирует антитурецкие настроения в странах ЕС - это прежде всего, размеры страны и численность ее населения, бедность Турции, а также мусульманский тип культуры и менталитета.

2) Постепенный, но неуклонный процесс реформирования Турции, ориентированный на сближение страны с ЕС, меняет ее характер и делает более стабильным и предсказуемым соседом. С точки зрения интересов Армении, трансформация глубинных основ кемалистского государства означает ослабление импульсов к агрессии

и давлению на более слабых соседей. Стимулируемые ЕС реформы действительно затронули такие фундаментальные стороны турецкой жизни, как доминирование генералитета во всех стратегически важных областях, резко изменив характер отношений между военными и гражданскими. Роль всевластного Совета национальной безопасности была законодательно ограничена; состоялось раскрытие и обсуждение военного бюджета (2004 г. впервые на нужды образования было выделено больше средств, чем на оборону.)

3) В случае успешного завершения интеграции Турции в ЕС кавказские страны получают существенные экономические преимущества от непосредственного соседства с Объединенной Европой.

Таким образом, сближение Турции с ЕС и ее дальнейшее полноправное членство в блоке соответствуют национальным интересам Армении и других стран Южного Кавказа.

Однако нельзя полностью исключать возможности негативного сценария. Он может развиваться по следующей схеме: нарастание противоречий между Анкарой и Брюсселем приводит к срыву переговоров с ЕС; происходит резкое ослабление позиций ПСР на внутривнутриполитической сцене; наблюдается рост националистических настроений; появляются радикальные исламистские силы; политические элиты Турции вновь чувствуют себя находящимися в стратегической изоляции. На этом фоне возможно усиление традиционных фобий - в том числе и антиармянских настроений.